

12. Pánek, J. A Historian's Reflections on Historical Bibliography [Electronic resource] / Jaroslav Pánek. – Electronic text data. – Prague, 2013. – 10 p. – Mode of access : http://www.histbib.eu/Conferences/5th_Conf_Panek.pdf (30.04.2015).

13. Rampolla, M. L. A Pocket Guide to Writing in History / Mary Lynn Rampolla. – 7th ed. – Boston : Bedford/St. Martin's, 2012. – 176 p.

14. Spadoni, C. How to Make a Soufflé; or, What Historians of the Book Need to Know about Bibliography / Carl Spadoni // History of Intellectual Culture [Electronic resource]. – Electronic text data. – 2007. – Vol. 7, № 1. – 9 p. – Mode of access : <http://www.ucalgary.ca/hic/files/hic/Spadoni%20on%20souffle.pdf> (30.04.2015).

15. 20141INF2159HSLECO101 Analytical and Historical Bibliography I [Electronic resource] / University of Toronto, Faculty of Information. – Electronic text data. – Toronto, cop 2014. – Mode of access : <http://current.ischool.utoronto.ca/courses/20141inf2159hslec0101> (30.04.2015).

16. Using Primary Resources : Teaching Guides from the Tennessee State Library and Archives [Electronic resource] / Tennessee State Library and Archives. – Electronic text data. – Nashville, TN (USA), cop 2009. – Mode of access : <http://www.state.tn.us/tsla/educationoutreach/PrimarySourcesNew.pdf> (30.04.2015).

Папцова А.К.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ НА ПРИМЕРЕ ИСТОЧНИКОВ, ОСВЕЩАЮЩИХ ПОЛИТОГЕНЕЗ У СЕВЕРНЫХ ФРАКИЙЦЕВ

Появление новых суверенных государств на карте Европы сопровождалось формированием образа прошлого каждого из них. Образ прошлого не просто отражает особенности исторического развития страны, региона, этноса, а выступает в роли памяти об истории. Он определяет значение тех или иных событий в контексте национальной истории, содержит обоснование исторической миссии этноса или региона, аксиологически окрашивает пространство, соседей, персонажи исторических событий, указывает культурных героев [14, с. 96]. В этих рамках интерпретация исторических событий подчинена метаконцепции данного образа. Эпоха древности имеет особое значение для образа прошлого: такова логика его развития, проявляющаяся еще со времен создания первых известных нам образцов. Так, формирование античной цивилизации Древней Греции потребовало установление связей с Микенской цивилизацией, и Троянская война органично вошла в образ прошлого эллинов. В свою очередь, римляне, уже завоевав Грецию, присвоили себе часть образа ее прошлого, пересказав его в нужном для себя ключе. В итоге, в римском образе прошлого также появляется Троянская война, а происхождение Ромула возводится к легендарному Энею.

Эта особенность формирования образа прошлого актуализирует значение древности для новых европейских исторических школ, обращая их к изучению племенного мира Древней Европы. Поскольку формирования «классических» государств в этом пространстве не происходило, внимание исследователей обращается к процессам политогенеза, изучаемого в рамках политической антропологии.

Процесс политогенеза можно представить как процесс усложнения политической структуры того или иного древнего общества, ставший следствием широкого комплекса факторов – как внешних, так и внутренних. Важнейшим потенциалом, способным не только поддерживать состояние гомеостаза, но и создавать возможности усложнения разного рода структур обладает культура, представляющая собой, – в соответствии с определением Ю.М. Лотмана, – совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения [11, с. 395]. С появлением письменности эта ненаследственная информация получает большие возможности для автономного хранения и бесконечного умножения. Но применительно к племенному миру Древней Европы возможности данного вида источников невелики: письменные свидетельства оставляли не сами изучаемые народы, а их соседи.

Интерпретация же вещественных источников требует особых исследовательских процедур.

Можно предположить, что появление ряда культурных объектов служит индикатором потенциала для усложнения структуры общества, а значит, может свидетельствовать о процессе политогенеза. Такого рода свидетельства чрезвычайно важны в связи с тем, что интерпретация археологического материала – сложная методологическая задача.

Попытку обозначить набор археологических признаков для определения уровня развития, которое можно было бы назвать цивилизацией, предпринял Н.Н. Крадин. Он обобщил опыт подобной классификации, предпринятый исследователями XX в., в частности В.Г. Чайльдом. В.Г. Чайльд выделил десять археологических критериев сложно организованного общества, называемого им цивилизацией, но, как показали дальнейшие исследования, даже наиболее развитые цивилизации не всегда могут предъявить полный набор данных критериев. Дж. Мердок и

К. Провост также выбрали десять признаков, к числу которых отнесли письменность, оседлость, земледелие, урбанизацию, технологическую специализацию, транспорт, деньги, плотность населения, политическую иерархию и социальную стратификацию и ввели шкалу для оценки переменных для рассматриваемых ими 186 обществ. Полученные данные позволили судить о корреляции указанных признаков. Обе эти классификации все же применимы к тем ситуациям, когда процесс политогенеза достиг уровня создания «образцового государства». Гораздо сложнее интерпретировать источники тех обществ, политогенез которых протекает под культурным влиянием цивилизационных центров. Многие военно-политические процессы могут ускоряться, но в силу инерции социокультурного развития, исследование которого затрудняется в связи с отсутствием собственных письменных источников, возникающие государственные образования имеют непрочную структуру. Н.Н. Крадин считает, что обязательными, хотя и недостаточными критериями обществ высшей сложности являются развитая (не менее чем трехуровневая) классовая структура, постоянная оседлость, земледельческое хозяйство как основа экономики, обработка и использование металлов (например, для престижного потребления). Важным для осмысления процесса политогенеза является вывод исследователя о наличии корреляции между развитием социальной организации и политической интеграции. При этом трехуровневая классовая структура является более надежным критерием, чем иерархия и государство, а для ее создания необходима постоянная оседлость, земледельческое хозяйство как основа экономики, разнообразные ремесла с обязательной обработкой металлов [8, с. 196].

Ю.Е. Березкин выделяет несколько категорий данных, отличающих культуры, достигшие более высокого уровня: крупные общественно-культурные сооружения; наличие изделий, производство или доставка которых объективно дороги; крупные поселения. Жизнь в них имела очевидные неудобства по сравнению с жизнью в небольших деревнях и хуторах близ сельскохозяйственных и промысловых угодий. Преимущества совместного проживания могли быть связаны с влиянием двух независимых факторов. Первый – это особенности социо-политической организации, требовавшей общения членов коллектива друг с другом. Второй – внешняя угроза и нужды. Оба фактора являются также факторами политогенеза, поэтому наличие крупных поселений – важный его индикатор. Еще одним индикатором является иерархия поселений по размеру и различия между ними в типах сооружений. Подобные данные собирались специально, так как для изучения политогенеза этот признак очень значим, некоторые даже считают его основным [1, с. 194]. Ю.Е. Березкин указывает, что четырехуровневая иерархия свидетельствует о возникновении государства, трехуровневая – о наличии сложных, а двухуровневая – простых вожеств [1, с. 194]. Однако реальные различия между вожествами и государствами – тоже методологическая проблема.

Ю.Е. Березкин придает особое значение контролю над тайным знанием, воплощенным в текстах и ритуальных практиках. Ценность этих знаний условна, но до тех пор, пока общество ее признает, люди сохраняют лояльность определенной элите. В этой связи особое значение приобретает версия о возникновении культа Залмоксиса, приведенная Геродотом (История, IV, 95) [4]. Если задача элиты состоит в том, чтобы регулярно убеждать общество в своей уникальной способности контролировать сакральные тексты и ритуалы, то механизм этой деятельности описан Геродотом. Религиозные аспекты свидетельства Геродота рассмотрены многими авторами, в частности М. Элиаде, который посвятил ему особый труд, а также множество глав в других сочинениях. М. Элиаде отмечает, что сведения Геродота указывают на мифо-ритуальный сценарий «умирания» (сокрытия) и «возвращения на землю» (эпифании), и подчеркивает сближение культа, установленного Залмоксисом, с греческими и эллинистическими мистериями [20, с. 151]. Комментируя описанный Геродотом ритуал отправления гонца к Залмоксису, когда избранного по жребию человека подбрасывали, подставляя снизу копыя (История, IV, 94), М. Элиаде указывает, что жертвоприношение и посылка гонца представляли собой в некотором роде символическое (либо ритуальное) повторение установления культа; вновь совершалась эпифания Залмоксиса после трехгодичного пребывания под землей – со всем, что она несла: с подтверждением веры в бессмертие и блаженство душ [20, с. 151]. Важно то, что если задача элиты состоит в том, чтобы регулярно убеждать общество в своей уникальной способности контролировать сакральные тексты и ритуалы, то Геродот подчеркивает активность гетской элиты в конструировании такого знания. Подтверждение наличия такой тенденции можно найти при анализе и других культурных объектов. В частности, отражение структурных

изменений во фракийских сообществах исследователи пытаются увидеть в образцах изобразительного искусства, находя в них свидетельство того, что общая мифология фракийских племен быстро трансформировалась в идеологическую доктрину, назначение которой состояло в легитимации царской власти [16, с. 19].

Археологический материал, столь значимый для анализа культурных факторов политогенеза у северных фракийцев, в конце XX в. был систематизирован и интерпретирован, важнейший вклад в его изучение внесли И.Т. Никулицэ [13] и Д. Берчу [2]. А.И. Мелюкова рассмотрела связи фракийского мира со скифским [12], а С.М. Крыкин – с античным Северным Причерноморьем [9]. В начале XXI в. различные аспекты культурного взаимодействия скифов и фракийцев были рассмотрены И.В. Бруяко [3]. Лишь некоторые из найденных материалов, например, монеты, могут достаточно прямолинейно свидетельствовать об изменениях в структуре исследуемых обществ. Но интерпретируются и косвенные данные.

Важным индикатором и фактором развития является переход к металлургии железа в Балкано-Дунайском регионе и в Днестровско-Карпатских землях. В Днестровско-Карпатских землях переход к металлургии железа произошел в IX–VII вв. до н.э. [7, с. 20].

Население обширного припонтийского (причерноморского) региона в раннем железном веке было крайне пестрым по своему этническому составу, представляя собой, по образному выражению Цицерона (О государстве, II, 4, 9) [19], варварское поле.

В Румынии культура раннего железа VII в. до н. э. получила название «фракийского гальштата» в связи со своеобразием развития фракийских областей в раннем железе. Одной из наиболее известных культур фракийского гальштата является культура басарабь (на юго-западе Олтении у с. Басарабь). Формирование гальштатских культур началось сразу в трех регионах: Добрудже, Юго-Западной Румынии и в Северо-Восточной Венгрии [16, с. 126]. Гальштатская культура в нескольких вариантах известна во многих районах Румынии. Для нее характерны бронзовое оружие и орудия труда, но в ней присутствует много железных предметов. Во второй половине V – начале V в. до н.э. в Молдове и Северной Олтении существовала культура Бырсешти-Фериджиле, отмеченная иллирийским и скифским влиянием [2, с. 147]. Исследование поселений культуры Басарабь выявили наличие их иерархии, а различия в погребальном обряде являются индикатором социальной стратификации.

Античные письменные и нумизматические источники VI–V вв. до н.э. сообщают названия многих фракийских племен и дают некоторое представление об их расселении. Северофракийские племена населяли территорию между Балканами и нижним Дунаем [13, с. 19].

Политическую ситуацию в Западном и Северном Причерноморье изменил скифский поход Дария I [6, с. 376]. События скифского похода изложены Геродотом (История, IV, 83–142) и Страбоном (География, VII, 3, 14) и это один из немногих случаев, когда можно прибегнуть к анализу нарративных источников. Однако расхождения в изложении событий похода уже на данном этапе обуславливают необходимость обращения к вещественным источникам.

Хотя скифский поход Дария не имел успеха, но способствовал активизации процесса политогенеза у фракийцев и скифов. Фрако-скифская конфронтация в еще большей степени активизировала процесс политогенеза: в начале V в. до н.э. сложилось единое Фракийское царство во главе с племенем одрисов. О невысокой степени централизации данного государственного образования говорит существование института соправителей, так называемых парадинастов. Они осуществляли царский контроль над отдельными областями страны, пользовались достаточно широкой автономией в своих действиях, о чем свидетельствует их право чеканить монету со своим именем.

Политическая ситуация в Дунайско-Балканском регионе коренным образом меняется около сер. IV в. до н.э., когда происходит возвышение Македонии. Восточный поход Александра перенес центр тяжести складывавшейся державы на восток и это активизировало процессы политогенеза в Причерноморье. В первой половине III в. до н.э. можно говорить о существовании во Фракии небольших государственных образований, которые во многом еще сохраняли черты племенных союзов. Каждому фракийскому племенному вождю хотелось предстать в глазах соплеменников и греков наиболее могущественным (Полибий, IV, 45, 46) [15].

Но политическая консолидация фракийцев, после распада македонской державы Лисимаха только начинавшая набирать силу, была прервана вторжением кельтов. В III в. до н. э. в результате передвижений кельтских и германских племен в Средней Европе на правобережье Дуная вновь оказываются скифы и прочно оседают в Добрудже, образуя собственное государство.

К концу III в. до н. э. господство скифских царей в Добрудже было поколеблено ростом влияния гетских царств и проникновением бастарнов. Археологические материалы свидетельствуют, что фракийское влияние в памятниках материальной культуры населения Добруджи, в частности в погребальном обряде, гончарном ремесле, преобладало над иранскими традициями.

К концу III в. до н.э. в ситуацию в регионе активно вмешивается Рим. Активное продвижение римлян в области Нижнего Дуная начинается в I в. до н.э. [6, с. 511]. В I в. до н.э. Рим раздирают гражданские войны, некоторое время острие их атак направлено на Северо-Запад, и на время процесс политогенеза у фракийцев активизируется. Государственное образование Бурбисты не просто было успешным в военном отношении, но и выступило в качестве символического начала готского государства в сочинении Иордана [5].

В истории племен на Нижнем Дунае большую роль начинают играть в I в. до н.э. племена даков. Рим постепенно захватывал земли Причерноморья и война с даками была вопросом времени. В правление Траяна завоевание Дакии было доведено до конца. Децебал был вынужден покончить жизнь самоубийством [6, с. 608]. В честь победы над даками в Риме была построена знаменитая колонна Траяна, воспроизводившая события этой войны. Но процесс складывания собственно фракийского государственного образования был окончательно прерван.

В итоге можно сделать следующие выводы: изучение процесса политогенеза требует обращения к различным типам источников. Однако реконструкция социально-политических процессов по археологическим источникам является сложной методологической проблемой.

1. Березкин, Ю. Е. Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению / Ю. Е. Березкин // Антропологический форум, 2014. – № 20. – С. 187–217.
2. Берчу, Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная / Д. Берчу. – М.: Центрполиграф. – 2008. – 192 с.
3. Бруяко, И. В. Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р.Х. / И. В. Бруяко. – Кишинев, 2005. – 358 с.
4. Геродот. История / пер. Г. А. Стратановского / Геродот. – Ленинград: Наука, 1972. – 600 с.
5. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Гетика / пер. Е. Ч. Скржинской / Иордан. – СПб: Алетейя, 2000. – 512 с.
6. История Европы. – Москва: Наука, 1988. – Т. 1. – 704 с.
7. История Молдавской ССР. – Кишинев: Штиинца, 1984. – 552 с.
8. Крадин, Н. Н. Археологические признаки цивилизации / Н. Н. Крадин // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред.: Л. Е. Гринина [и др.]. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 184–211.
9. Крыкин, С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье / С. М. Крыкин. – М.: Прометей, 1993. – 332 с.
10. Ливий, Тит. История Рима от основания города / Тит Ливий. – Москва: Наука, 1993. – Т.3. – 770 с.
11. Лотман, Ю. М. Культура и информация / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб: Искусство-СПб, 2010. – 704 с.
12. Мелкокова, А. И. Скифия и фракийский мир / А. И. Мелкокова. – М.: Наука, 1979. – 256 с.
13. Никулицэ, И. Т. Геты IV–III века до н.э. в Днестровско-Карпатских землях / И. Т. Никулицэ. – Кишинев: Штиинца, 1987. – 276 с.
14. Папцова, А. Образ прошлого как социокультурный капитал этнорегионального развития / А. Папцова // Conferința științifică internațională „Politica de stat față de minoritățile naționale și securitatea în bazinul Mării Negre” / «Государственная политика в отношении национальностей и безопасность Черноморского региона» (Chișinău / Comrat, 12–13 mai 2014). – Кишинев: Pro Moldova, 2014. – С. 99–102.
15. Полибий. Всеобщая история / Иордан. – Москва: АСТ Мидгард, 2004. – Т. 1. – 765 с.
16. Поп, И. А. История Румынии / И. А. Поп, И. Болован. – Москва: Весь мир, 2005. – 680 с.
17. Страбон. География / пер. Г. А. Стратановского / Страбон. – Ленинград: Наука, 1964. – 944 с.
18. Фукидид. История / пер. Г. А. Стратановского / Фукидид. – Москва: Наука, 1981. – 543 с.
19. Цицерон. Диалоги / Цицерон. – Москва: Наука, 1966. – 224 с.
20. Элиаде, М. История веры и религиозных идей: в 3 т. Т.2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства / М. Элиаде. – М.: Критерион, 2002. – 504 с.

Иванова Н.П.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ)

Традиционно для изучения нарративных источников, таких как летописи, литературные источники, житийная литература и другие, в исторической науке использовались в основном текстологические методы. Они считались наиболее эффективными для критики такого рода источников. В последние годы наметился перелом в этом вопросе. Все чаще при изучении нарративных источников используются методы, которые раньше применялись в основном для массовых или хорошо формализованных источников. Например, такие методы, как формулярный анализ, статистические методы, использование информационных методов, в частности, технологии баз данных, методы метаразметки, морфологической и грамматической разметки текстов и другие [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Благодаря использованию новых методик и подходов, источниковедение, занимающееся источниками эпохи средневековья, выходит на новый уровень. Новые